

ЗАПЕРТАЯ ЛУНА

БОРИС КОЛМОГОРЦЕВ

Борис Колмогорцев

Запертая луна

«Автор»

2026

Колмогорцев Б.

Запертая луна / Б. Колмогорцев — «Автор», 2026

Урал, июль 1970 года. Геологическая партия ищет бокситы — алюминиевую руду, спрятанную в древних известняках. Шестнадцатилетний школьник, перешедший в десятый класс, впервые оказывается в мире взрослых: шурфы, маршруты, образцы пород и окаменевшие брахиоподы. А ещё — Марина. Двадцатиоднолетняя студентка-геологиня, замужем за иностранным специалистом, с годовалым ребёнком. Она читала Манна и знает Гёльдерлина. Он читал Паустовского и Ремарка. Между ними — разговоры у костра, скала над рекой, старый колодец с запертой в воде луной и короткий поцелуй под грозой. Это история о взрослении, о разнице между книжной мечтой и живым человеком, о том, как первая нежность становится первым словом. Роман о том, как мальчик учится любить — не побеждать, не обладать, а видеть в другом человека. И о том, как из этого рождается писатель.

© Колмогорцев Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Новелла «Запертая луна»	5
Введение	5
Две жизни: рабочая окраина и книжный космос	6
Марина: путь из украинской глубинки	8
Партия, бокситы и брахиоподы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Борис Колмогорцев

Запертая луна

Новелла «Запертая луна»

Введение

Памяти уральского лета 1970 года и всех книг, научивших нас любить.

Каждая человеческая судьба похожа на геологический разрез. На поверхности — жесткая дневная суeta, рабочий быт, притворство и законы улиц. Но глубоко под ними лежат древние пласты: незабываемые встречи, запахи речного тумана, тихие поэтические вечерние строки и первой, самой чистой на свете нежности.

Эта новелла — погружение в тот самый нижний слой. В то короткое уральское лето, когда шестнадцатилетний мальчишка с суровой пролетарской окраины впервые столкнулся со взрослой чувственностью, преодолел собственную робость и наново переписал своё представление о мире и женщине.

Две жизни: рабочая окраина и книжный космос

Палаточный городок геологической партии № 7 просыпался ровно в шесть утра от омерзительного, металлического лязга. Это повариха баба Шура с садистским ожесточением била тяжёлым алюминиевым половником по ржавому дну огромной чугунной выварки. Этот звук мгновенно въедался в обнажённые нервы и зубы, безжалостно разрывая липкую паутину сладких утренних снов, в которых ещё секунду назад мерещились то зелёные венецианские каналы из томика Грина, то прохладные тени полтавских садов.

Вылезать из тёплого, насквозь пропитанного запахом махорки и собственного пота брезентового спального мешка в сырую, промозглую, пропитанную тяжёлым речным туманом уральскую рань было почти физической мукой. Кости ныли, в нос ударял запах прелой хвойной подстилки и сырой земли, а пальцы наотрез отказывались слушаться.

Шёл июль 1970 года. Наша партия занималась поиском бокситов — ценнейшей алюминиевой руды, которая была спрятана глубоко в известняках, оставшихся здесь со времен древних, невероятно тёплых девонских морей. Эти древние экосистемы оставили после себя чёткие геологические автографы: окаменевшие раковины древних брахиопод, коралловые обломки и толстые, однообразные пласты серого известняка, уходящие в толщу земли. Нашей ежедневной задачей было описывать естественные обнажения, закладывать шурфы, часами карабкаться по крутым лесистым склонам в заданных маршрутах и таскать тяжёлые, угловатые образцы. Эти камни пахли сыростью и мхом, и позже, в душной камералке, они должны были лечь на стол старшему геологу, чтобы рассказать ему историю, которую мы пока еще не умели читать самостоятельно.

Я выходил из палатки самым первым, пока остальные пацаны еще шумно храпели вповалку, уткнувшись носами в грубые ватные куртки и раскинув руки. Я натягивал заскорузлые, дубовые от сушки у костра кирзовые сапоги, на ходу застёгивал штормовку и бежал к Синели.

Ледяная, обжигающая вода горной реки мгновенно ударяла в лицо, заставляя задохнуться, онеметь и выбивая из головы последние остатки ночных видений. В этой ледяной воде было спасение. Во мне в этот период жизни постоянно жили, яростно сталкиваясь и борясь за первенство, два совершенно разных человека, которые пока отчаянно плохо понимали, как уместиться в одном худом шестнадцатилетнем теле.

Первый человек был чистокровным продуктом заводской окраины промышленного уральского города. Мой мир состоял из унылых двухэтажных бараков, серых пятиэтажек, сизого, застилающего горизонт дыма мартезовских печей и заскорузлых, утопающих в грязи дворов пролетарского района. Там действовали простые и жёсткие законы: уважение нужно было ежедневно добывать пудовыми ударами кулаков, дворовая наука усваивалась с первого же разбитого носа, а за слабость или излишнюю мягкость моментально наказывали презрением. Я отлично умел драться за тёмными гаражами, прекрасно знал истинную цену данному слову, мог поддержать хриплый дворовый мотив под три блатных аккорда на расстроенной семиструнной гитаре и с самого раннего детства видел суровую изнанку рабочей жизни, напроочь лишённую какой-либо сентиментальности. На нашей окраине чувства никогда не выставляли напоказ — это считалось позорным делом, признаком разболтанности.

Но второй человек — тот, что прятался глубоко внутри, под грубой брезентовой штормовкой, — был неизлечимым, патологическим книжным романтиком. Мой рюкзак весил вдвое больше, чем у остальных ребят, потому что рядом с запасными портянками и банкой консервов в нём лежали потрёпанные сокровища: «Блισταющие облака» Константина Паустовского, зачитанный до дыр томик «Трёх товарищей» Эриха Марии Ремарка, потрёпанный сборник Александра Грина с его несбыточными белыми парусами, лирический томик Эдуарда Асадова,

нетрадиционно дерзкий томик Сергея Есенина и толстая тетрадь в клеточку, куда я аккуратным почерком переписал редкие переводы немецкой лирики Гёльдерлина.

В этих книгах существовал совершенно иной, параллельный космос — высокий, безупречно чистый, звенящий пронзительной нежностью и абсолютной мужской верностью. Из прозы Паустовского я вынес практически религиозное благоговение перед природой, где каждая капля утренней росы на паутине казалась мне тайным откровением Вселенной. Ремарк научил меня трепетному, почти болезненному уважению к дружбе и глубокому, тихому преклонению перед Женщиной. А Есенин... Есенин обжигал дыханием дикой, неукротимой юношеской страсти, смешанной с печалью по уходящей молодости.

Это раздвоение буквально разрывало меня изнутри. Днём, среди парней, я мог мастерски вернуть крепкое рабочее словцо, нахмуриться и жёстко осадить любого задиру, но стоило мне остаться одному у воды или в вечернем лесу, как меня накрывал густой, сбивающий с ног книжный туман. Мое юное тело бурлило гормонами и жило в постоянном, томительном предчувствии чуда, а ум настойчиво искал среди суровых уральских сосен живые воплощения гриновских героинь и есенинских муз.

В геологическую партию я попал через городской Дом пионеров, где занимался в минералогическом кружке. Мы аккуратно наклеивали на картонные планшеты этикетки, часами разглядывали под лупой блестящие зёрна пирита и до хрипоты спорили о том, чем аммонит отличается от наутилуса. Мне тогда казалось, что геология — это величественная наука о времени, о невидимых глазу земных слоях, о том, как сама планета бережно хранит свою древнюю память. Я даже представить себе не мог, что этим же летом мне придётся заниматься куда более сложной наукой — исследовать слои собственных смятенных чувств, которые окажутся намного запутаннее и опаснее любых осадочных пород.

Размышления прерывались общим завтраком за длинным, сколоченным из неотесанных досок столом под наскоро натянутым брезентовым навесом. За столом уже собирались девчонки-геологини из университета. Марина всегда садилась напротив меня. Она только-только просыпалась, её карие глаза были слегка припухшими от ночного сна, из-за чего смотрели на мир по-детски незащитно. Тёмные густые волосы она собирала в небрежный пучок на затылке, а из слегка расстёгнутого ворота фланелевой рубашки пахло совсем не суровой рекой, а уютным домашним теплом, мятной зубной пастой и едва уловимым, волнующим ароматом женского тела.

Она пила горячий чай из побитой эмалированной кружки, охватив её обеими пухлыми ладонями, и сквозь поднимающиеся клубы пара внимательно смотрела прямо на меня. В этом утреннем, абсолютно лишённом какой-либо фальши или косметики взгляде не было никакой игры. Я немедленно опускал глаза в свою тарелку с кашей, сгорая от дикой, мучительной смеси дворового стыда за собственную робость и книжного, почти религиозного восторга.

Марина: путь из украинской глубинки

Марина сидела за столом и прекрасно видела этого шестнадцатилетнего пацана, в глазах которого отчётливо читалась эта странная, трогательная смесь уличной жёсткости и экзальтированного книжного обожествления. Глядя на меня, она чувствовала, как внутри неё, под толстой коркой навязанной взрослой жизни, начинает оттаивать что-то чистое, давно засыпанное бытовой рутинной и семейными обязательствами.

Она приехала на эту далёкую уральскую практику из глубокой украинской провинции — из небольшого, утопающего в зелени садов городка Полтавщины. Детство её было залито щедрым южным солнцем: оно пахло спелыми хатними вишнями, нагретой пылью проселков, бесконечными огородами и золотистым маревом над тихой рекой Псёл. Марина с ранних лет была на редкость способной девочкой. В школе она училась исключительно на одни «отлично», запоем зачитывалась классической литературой, мечтала о большой науке, о захватывающих дальних экспедициях и о той самой романтике великих открытий, о которой писали в приключенческих журналах.

Но провинциальная жизнь учит суровой практичности гораздо раньше, чем того хотелось бы юной душе. Поступив на первый курс университета в Харькове, она моментально столкнулась с суровой реальностью: тесное студенческое общежитие, постоянная экономия каждого рубля, необходимость выживать и утверждаться в огромном, чужом и равнодушном городе. Когда на третьем курсе за ней начал настойчиво ухаживать молодой немецкий студент-инженер — аккуратный, безупречно вежливый, сдержанный и невероятно перспективный, — её прагматичная деревенская жилка и советское стремление к железобетонной стабильности взяли верх над девичьими грёзами о прекрасном принце.

Дальше всё завертелось с головокружительной скоростью: быстрая студенческая свадьба, завистливые шепотки подруг, рождение первенца, бесконечные пелёнки, распашонки, разговоры о скором переезде по распределению в ГДР, немецкие импортные порошки и сияющий в серванте чешский хрусталь. Ей едва исполнился двадцать один год, но в этой суматошной погоне за благополучием она сама не заметила, как стремительно превратилась из мечтательной полтавской девчонки в правильную, безупречную молодую мать и респектабельную замужнюю даму, чья судьба была расписана строгим семейным планом на десятилетия вперёд.

А её муж... Муж был воплощением идеала для любой советской семьи. Но в этой его идеальной правильности не было ни единой искры той безумной, мятежной романтики, о которой она ночами грезила в Полтаве, прильнув к оконному стеклу. Он никогда не читал ей поэтов, презрительно отзывался о беллетристике и искренне не понимал, зачем тратить драгоценное время на поэтическую макулатуру, когда есть чертежи, ГОСТы и чёткий семейный бюджет.

И вот теперь здесь, на диких берегах уральской Синели, она совершенно неожиданно столкнулась с этим странным пацаном с пролетарской окраины, у которого в кармане потёртой штормовки вместо пачки сигарет лежали стихи. В его наивном, горячем взгляде она безошибочно узнала себя прежнюю — ту самую заброшенную украинскую девчонку, которую она так легкомысленно и быстро потеряла в харьковской суеде.

Партия, бокситы и брахиоподы

Наша повседневная жизнь состояла из изнуряющей работы вдоль русла Синели и на крутых лесных склонах, где геологическая партия упорно искала промышленные залежи бокситов.

Река была живым воплощением дневного мира — честного, открытого и стремительного. Она несла свои холодные, хрустально-чистые воды под палящим июльским солнцем уральского лета, весело искрилась тысячами золотых бликов, громко звенела на каменистых порогах и бурно шумела на порогах. Река казалась такой же простой и понятной, как и вся наша рабочая рутина: вот крутой левый берег, вот пологий правый, вот геодезические отметки высот, а вот неумолимое течение, уносящее сорванные ветром листья дальше, к полноводным Каме и Волге. В непрерывном движении воды была своя светлая, жизнеутверждающая динамика — время текло вместе с ней, лопаты легко входили в грунт, а под ярким солнцем даже тяжёлые геологические молотки и кирки казались лишь реквизитом в нашей большой романтической игре.

Мы копали шурфы. Это была самая грязная, тяжёлая и одновременно самая честная мужская работа: узкий вертикальный колодец, в который ты спускаешься с короткой штыковой лопатой, и земля непрерывным потоком летит вверх, на бровку, ком за комом, пока не доберёшься до коренной породы — до того самого слоя, который поведаёт старшему геологу тайну древнего мелководного моря. На дне шурфов мы регулярно находили брахиопод — прекрасные окаменелые раковины, удивительно похожие на маленькие каменные сердца, застывшие в известняке миллионы лет назад. Я бережно собирал их в отдельный полотняный мешочек, а вечерами, при тусклом свете керосиновой лампы, подолгу разглядывал их ребристые створки, пытаясь силой воображения воссоздать то теплое доисторическое море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.